

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК (1915—1924)

М. И. Шапир

Максим Ильич Шапир, доктор филологических наук, главный редактор журнала «Philologica», старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Независимого московского университета. Руководитель проекта 98-06-80099.

История науки — важнейшая форма ее самосознания. Оно, само собой разумеется, не обходимо во всех областях науки, но особенно велико значение рефлексии для гуманитарных дисциплин. В них все или почти все спорно, и не только на уровне фундаментальных теорий и методологических принципов, но и на уровне, казалось бы, «непосредственно наблюдаемых» фактов. Поэтому существующие учебники, за редчайшими исключениями, не способны играть роль квалифицированного введения в специальность — справиться с этой задачей может только история познания, тем более, если она сосредоточена на ключевых моментах развития науки. Один из таких моментов в истории филологии связан с деятельностью Московского лингвистического кружка (МЛК). Это было едва ли не самое значительное объединение русских лингвистов и литературоведов — и по созвездию выдающихся талантов, и по влиянию на развитие филологической мысли, и по не востребованному до сих пор научному потенциалу. Можно сказать, что вклад кружка в лингвистику и поэтику XX в., не только отечественную, но и мировую, не сравним с каким бы то ни было другим. Но отсутствие своих печатных органов и издательской базы, недостаток авангардной броскости в организации научного быта, а также глубокие внутренние противоречия привели к тому, что символом русского «формализма» стало всемирно известное Общество изучения поэтического языка (Опояз), тогда как основная работа по созданию новой филологии велась в недрах МЛК. Вот что писал об этом первый председатель кружка Р. О. Якобсон: «В связи с техническими трудностями того времени многое из <. . . > заготовок <МЛК> долго ждало сдачи в печать и частью оказалось утрачено. Устная передача была главным путем распространения научной мысли молодого сотоварищества» [1, с. 368].

Несмотря на все свое значение, Московский лингвистический кружок до сих пор остается terra incognita даже для большинства специалистов: исследований, посвященных его истории, немного (библиографию см.: [1, с. 369, примеч. 3; 2, с. 767—768, примеч. 4]). Энциклопедические статьи изобилуют фактическими ошибками [3, 4, 5], а огромный архив кружка в основном еще ждет публикации: изданы лишь отдельные документы [6; 7, с. 242—245; 8, с. 45—48; 9; 10; 11, с. 376—381; 2]. Но уже сейчас ясно, что не так давно начатое освоение научного наследия МЛК обещает множество самых неожиданных открытий и может внести существенный вклад в построение методологически релевантной истории науки о слове в XX в.

МЛК был основан студентами историко-филологического факультета Московского университета. Его членами-учредителями стали Ф. Н. Афремов, П. Г. Богатырев, А. А. Буслаев, С. С. Рогозин, П. П. Свешников, Р. О. Якобсон и Н. Ф. Яковлев. Якобсон, Буслаев и Рогозин были студентами первого курса, остальные — несколько старше. Проект устава МЛК представлен академиком Ф. Е. Коршем во II отделение Императорской академии наук в конце 1914 г. Предполагавшееся с согласия Корша избрание его почетным председателем МЛК не состоялось: подписанное академиком А. А. Шахматовым разрешение на «образование без ассигнования денежных средств кружка из молодых лингвистов <. . . > для занятий вопросами языковедения, стихосложения и поэтики народного словесного творчества» [12, л. 1] было получено в Москве в день смерти Корша. Первым председателем МЛК был избран Якобсон, находившийся на этом посту до своего отъезда в 1920 г. в Эстонию, а затем в Чехословакию. Всего за время существования МЛК сменилось пять председателей: после Якобсона с января

по сентябрь 1920 г. обязанности председателя исполнял М. Н. Петерсон, с сентября 1920 г. по октябрь 1922го председателем был Буслаев, затем несколько месяцев — Г. О. Винокур, а с марта 1923 г. и до распада МЛК в ноябре 1924го — Яковлев.

МЛК очень быстро перерос рамки студенческого кружка: с одной стороны, студенты, прослушав полный курс университета, сами становились профессиональными филологами, с другой стороны, серьезность и значительность проблем, поднимавшихся в МЛК, привлекала в кружок новых членов, в том числе авторитетных лингвистов и литературоведов. Почетными членами МЛК были избраны В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков и Н. Н. Дурново. Среди действительных членов были С. И. Бернштейн, С. М. Бонди, О. М. Брик, В. М. Жирмунский, С. О. Карцевский, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, Ю. М. Соколов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Г. Г. Шпет, Б. И. Ярхо и многие другие. В работе кружка принимали участие известные поэты и прозаики. Одним из первых, в 1918 или 1919 г., в МЛК вступил Маяковский, который систематически бывал на заседаниях и принимал участие в прениях [13, с.429; 14, с.287; 2, с.767, примеч. 3]. Другим активным членом МЛК, сделавшим ряд интересных докладов, был основатель футуристического объединения «Центрифуга» С. Бобров. Чуть позже в кружок вступили Б. Пастернак, Н. Асеев и О. Мандельштам. Как вспоминал один из членов кружка, Б. В. Горнунг, поэты относились к МЛК с «подобострастным почтением». «Исключительную настойчивость» в установлении контакта с филологами проявил Мандельштам: летом 1922 г. он организовал в помещении кружка несколько бесед о поэзии и новейших методах ее изучения — эти встречи (с участием Асеева и Пастернака), если верить воспоминаниям Горнунга, «ничего не дали поэтам, но были интересны членам кружка» [15].

Наиболее интенсивный период научной деятельности Московского лингвистического кружка длился с апреля 1919 г. по март 1923го. После некоторого перерыва в работе 5 апреля 1919 г. был заслушан доклад Яковлева «Русская историческая лирика XVI—XVII веков». В апреле состоялись также доклад Брика «О поэтическом эпитете», три доклада Богатырева: «О народных анекдотах», «О “Гусаре” Пушкина» и «Труд Познанского о заговорах», 2 мая слушали доклад инженера и художника С. Б. Гурвиц-Гурского «О сокращениях в заводской терминологии» (в прениях выступил Маяковский), а 11 мая имел место привлекший огромное внимание доклад Яковсона «О поэтическом языке произведений Хлебникова» [2]. После выступления Яковсона, которое имело огромный резонанс, кружок, как выразился Горнунг, «вышел на большую дорогу» [15]. Заседания проводились раз, а то и два раза в неделю, с перерывом на лето — время полевых исследований, в ходе которых собирался богатый фольклорный, диалектологический и этнографический материал, главным образом в великорусском и северокавказском регионах.

О широте и разносторонности научных интересов МЛК наилучшее представление дает простой перечень обсуждавшихся тем в хронологическом порядке. Так, помимо уже перечисленных докладов Яковлева, Брика, Богатырева, Гурвиц-Гурского и Яковсона, до конца 1919 г. в стенах кружка прозвучали та кие выступления: 17 мая Соколов сделал сообщение о народных легендах и частушках, связанных с текущими событиями; 20 мая пять членов МЛК — Богатырев, Винокур, Яковсон, Буслаев и Брик — предложили каждый свой собственный вариант формального анализа повести Гоголя «Нос»; 25 мая — продолжение доклада Соколова и его обсуждение; 1 июня состоялся исключительной важности доклад Брика «О стихотворном ритме»; 19 июня был доклад Ярхо «Трохаические тетраметры в каролингских ритмах»; 28 июня — доклад Боброва «Об установлении <литературных> влияний»; в сентябре прошли доклады Шкловского «Сюжето-сложение в кинематографическом искусстве» [10] и Яковсона «Образчик научного шарлатанства (По поводу «Науки о стихе» В. Брюсова)»; в октябре — доклады Буслаева «О синтаксической методологии», Боброва «О поэтическом языке Брюсова» и Брика «Четырехстопные хорей с дактилическими окончаниями»; в ноябре — доклад Петерсона о синтаксическом учении академика И. В. Ягича; в декабре — доклады С. Я. Мазэ

«Об истории ашкиназского наречия еврейского языка», Б. О. Кушнера «О языках малых народностей и языковой политике» и Брика «Проблема пролетарской поэзии».

Поскольку состав участников и темы исследований менялись от года к году, процитирую отчет о работе МЛК за седьмой год его деятельности: с 1 марта 1921 по 1 марта 1922 г. кружок «имел 35 открытых заседаний, на которых были < . . . > заслушаны следующие научные доклады и сообщения»: Бернштейн, «Декламация Блока»; он же, «Синтаксис Шахматова»; Д. Д. Благой, «Критика изданий произведений Тютчева»; он же, «О переделках И. С. Тургеневым стихотворений Фета»; Богатырев, «Какие нам нужны биографии»; он же, «Повторения в заговорах»; Бонди, «Паузики у Блока»; Буслаев, «Программа деятельности Кружка (по материалам президиума)»; Г. Г. Дингес, «О формах спряжения в частицах (по говору немцев Поволжья)»; Дурново, «О склонении в русском литературном языке»; он же, «О статье Н. С. Трубецкого о судьбе сочетаний *ku* и *gi* в польском языке»; он же, «О статье С. О. Карцевского «Залоги в русском литературном языке»»; А. Е. Крученых, «Об анальной эротике в русской поэзии»; Мазэ, «Некоторые этимологии профессионального языка еврейских музыкантов»; он же, «Система еврейской филологии»; он же, «Литературная структура Песни Песней»; Поливанов, «О конвергенции <языков>»; он же, «Мелодические явления, использованные для семасиологических целей в дальневосточных языках»; Поржезинский, «Очередные задачи языкознания в России»; А. И. Ромм, «Возможен ли критерий, отличающий поэтическую речь от непоэтической»; Томашевский, «О *Гавриилладе* Пушкина»; он же, «Наукообразие в изучении ритма художественной речи» (о стиховедческих трудах Брюсова и Белого); Ушаков, «Неизданный доклад Ф. Е. Корша (Просодия русских слов в предложении)»; Шкловский, «Тема, об раз и сюжет у Розанова»; Р. О. Шор, «Применение психологического эксперимента в лингвистике»; она же, «Повествовательная техника средневековой стихотворной новеллы»; она же, «О работах В. Б. Шкловского в области поэтики»; она же, «К вопросу об эмоциональном тоне слова»; она же, «О реконструкции фактов индоевропейского праязыка»; Яковлев, «Элементы фольклора у Лермонтова»; он же, «О фонетике ингушского языка»; он же, «Ингушский алфавит Мальсагова»; он же, «Фонетика ингушского языка в связи с кабардинским, чеченским и ингушским»; он же, «Родовой быт у ингушей»; он же, «Опыт описательной фонетики кабардинского языка». Кроме того, «Кружок имел 2 совместных заседания с Московской Диалектологической Комиссией, на которых были заслушаны < . . . > доклады» Дурново «О сочетаниях КЪЕ и КИ в Галицком Четвероевангелии 1144 г. » и Мазэ «О произношении **Ѣ** и **Е** в московском говоре XVII в. » [16].

Даже из этого перечисления видно, как трудно найти филологическую дисциплину, обсуждению вопросов которой МЛК не посвятил хотя бы одного своего заседания. Самые разные проблемы теории и истории литературы, теории и истории языка, вплоть до проблемы «искусственных языков и искусственного в языке» [17, с. 76], — все занимало умы молодых российских ученых. Однако сильной стороной кружка был в первую очередь не широкий диапазон интересов, не привлечение новых, дотоле неизвестных фактов, а умение посмотреть по-новому на старое и, казалось бы, хорошо известное. Как сказал Буслаев на праздновании пятилетия МЛК, «главная задача кружка — методологическая революция» [12, л. 81]. В отличие от опоязовцев, члены МЛК имели в большинстве своем хорошую методологическую и теоретико-лингвистическую подготовку. Они внимательно следили за достижениями западноевропейской лингвистической мысли: так, первое в России обсуждение «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра состоялось именно в МЛК [7; 18, с. 272—277 и др.]. Якобсон имел все основания утверждать, что «из М. л. к. пришли первые толчки к дальнейшему развитию фонологической проблематики и в московской, и в пражской языковедческой среде» [1, с. 367]. Представители и левого (так сказать, младофутуристического), и правого (младоакмеистического) крыла МЛК считали себя последователями Гуссерлевой феноменологии и учениками Г. Г. Шпета, который сам был учеником Э. Гуссерля и проводником его идей в России [18, с. 261, примеч. 18; 17; 19, с. 149—150, 158, примеч. 34; 2, с. 769, примеч. 14]. Члены МЛК

были очень внимательны к структуре знака и его внутренней форме; они проводили последовательное различие между смыслом и значением, между понятием и предметом, или (в терминах «Логических исследований» Гуссерля) между *dinglicher Bezug* и *deutlicher Bezug*, т. е. между денотатом и сигнификатом: как заявил Якобсон в прениях по докладу Буслаева (3 октября 1919 г.), «самое продуктивное разграничение современных мыслителей (Марти, Гуссерль), это разграничение предмета выражения и словесного выражения» [12, л. 67].

Так же, как петроградские формалисты, москвичи считали, что «анализ искусства есть анализ форм выражения, словесных форм» (Ермѣц. 1922. №2. С. 113), — хотя бы потому, что смысл не дан воспринимающему иначе, как в форме и через форму. Однако говорить о формализме Московского лингвистического кружка можно с большой степенью условности. Формализм понимает содержание как форму и ищет оформленности содержания; структурализм понимает форму как содержание и ищет содержательности формы. В первом случае содержание берется как данность, а описание языка (формы) остается целью; во втором случае исходной точкой оказывается форма (язык), исследование которой должно привести к овладению эстетическим содержанием [20, с. 230]. В этом отношении методологическое направление МЛК следует определить скорее не как формализм, а как предструктурализм: членами кружка форма рассматривалась в первую очередь в оппозиции к содержанию, а не к материалу. Москвичи шли к поэтике от лингвистики, а петроградцы — от теории литературы: «Кружок, — как писал Якобсон, — с первых шагов своей деятельности поставил задачей разработку вопросов лингвистики, понимая под этим термином науку о языках различных функций, в том числе особенно анализ языка поэтического» [1, с. 365—366]. Как ясно уже из этой формулировки, в МЛК предпочитали говорить не о различных функциях одного языка, а о разных функциональных языках, среди которых совершенно особое место занимал язык поэтический, т. е. язык в его эстетической или, как стали говорить чуть позже, в его поэтической функции — язык с установкой на выражение [18, с. 258, 260, примеч. 17, с. 261, примеч. 20; 21, с. 174—175, примеч. 8; 19, с. 144—146, 149, 151—152, примеч. 8, с. 157—158, примеч. 32; 22, с. 776—777, примеч. 30; 23, с. 61]. С этой точки зрения поэтика трактовалась как одна из ведущих лингвистических дисциплин.

Без преувеличения можно сказать, что именно к МЛК восходят лучшие традиции российского структурализма и семиотики. Многие мысли, прозвучавшие на заседаниях МЛК, предвосхитили позднейшие открытия, опередив время, когда на несколько лет, когда на несколько десятилетий; кое-что (в том числе неопубликованное) сохраняет свою актуальность и поныне, иногда превосходя по глубине и точности все появившееся на эту тему с тех пор. Я приведу только два примера, оба из области теории и истории русского стиха: именно со стиховедением, по мнению Якобсона [1, с. 368], связаны наиболее впечатляющие достижения Московского лингвистического кружка. Первый пример касается изучения семиотики стихотворных размеров. Принято считать, что начало ему положил К. Ф. Тарановский [24]. По словам М. Л. Гаспарова, Тарановский первым рассмотрел ряд стихотворений, написанных пятистопным хореем, «очень известных, но обычно не сопоставлявшихся»: «Выхожу один я на дорогу. . . » (Лермонтов), «Вот бреду я вдоль большой дороги. . . » (Тютчев), «Выхожу я в путь, открытый взорам. . . » (Блок), «Выходила на берег Катюша. . . » (Исаковский), «Гул затих. Я вышел на подмостки. . . » (Пастернак) и др., — «и показал, что в них единообразно перекликаются как метрика (вплоть до ритмико-синтаксических формул), так и семантика («тема пути», как реального, так и метафорического, жизненного)» [25, с. 282]. Однако связь «ритмико-синтаксических фигур» пятистопного хорея с «темой пути» не раз становилась предметом специального обсуждения и до 1963 г., в том числе у самого Тарановского [26, с. 274], а еще раньше, в 1937 г., у Якобсона в его большой чешской работе о стихе К. Махи [27]. Но и Якобсон не был тем исследователем, который впервые обнаружил зависимость между ритмом, синтаксисом и смыслом данного размера. Судя по всему, слава первооткрывателя должна принадлежать Брику. В прениях по докладу «О стихотворном ритме» (1 июня 1919 г.)

Брик между прочим сказал: «По поводу 5 <стопного> хорей, интересно, что он связан с какой-то особой ассоциацией. Ср. Лермонтова *Выхожу один я на дорогу*, у Блока: *Выхожу я в путь, открытый взорам*, у Тютчева: *Вот бреду я вдоль большой дороги*» (курсив мой. — М. Ш.) [12, л. 57]. Брик перечислил все «опорные» примеры Тарановского, за исключением «Катюши» и пастернаковского «Гамлета», которые еще не были написаны. На докладе Брика присутствовали и принимали участие в обсуждении Винокур, Томашевский и Якобсон. Последний, в частности, указал, что «необходимо выделять не только ритмико-синтаксич<еские>, но <и> ритм<ико>семан<ические> <. . . > построения» [12, л. 58; подробнее см. : 28].

Еще одно важное стиховедческое открытие, сделанное в МЛК, связано с именем М. М. Кенигсберга. Он был, насколько можно судить, одним из самых одаренных филологов своего поколения: сегодня он практически неизвестен, но если бы не скоростная смерть на 24м году жизни, он занял бы видное место среди классиков нашей науки [17]. Его талант по достоинству оценили многие выдающиеся современники, в том числе Шпет и Винокур — оба они посвятили свои книги памяти молодого ученого. Реализовать себя в полной мере Кенигсберг, к несчастью, не успел, но наиболее значительное из написанного им заслуживает самого серьезного и уважительного отношения. Главным образом это касается статьи «Анализ понятия «стих»», которая долго считалась утерянной и была обнаружена только в 1990 г. Первый вариант ее обсуждался в МЛК в феврале 1923 г.: в ней дается лучшее на то время определение стиха в отличии от прозы. До некоторой степени к этому определению приближается лишь понимание стиха у Тынянова [29], особенно в том, что касается центрального понятия «стихового единства», независимо возникшего у обоих ученых [17, с. 91—92]. Самое важное в «стиховом единстве» то, что оно не связано «обязательной связью с логическим или синтаксическим членением» [21, с. 156]. Ученый впервые со всей категоричностью заявил, что «существенная разница между стихотворным и нестихотворным ритмом связывается как раз с понятием о стихе, как некоторой автономной глосеме <sic!>». Эта «автономность» состоит в «независимости» стиха «от грамматических <sic!> конструкций» и даже «от основного смысла языка», и наоборот [21, с. 171, 160]. Если в прозе грамматическая сегментация рассогласована с ритмической, предпочтение отдается первой, а если в стихе — второй: это выражается в разного рода переносах языковых единиц из одного стиха в другой. Суть этого явления — в постоянной возможности не совпадения членений ритмических и синтаксико-семантических: важно, что стих в принципе может идти вразрез с «синтагматической, морфематической и лексемной структурой языка» [9, с. 191].

Хотя МЛК просуществовал совсем недолго и прямое его влияние на развитие русской и мировой филологии по многим причинам было затруднено, его опосредованное стимулирующее воздействие представляется исключительным. Вот что писал об этом Якобсон: «В 1926 году организационная модель М. л. к. заодно с его научными планами и достижениями легла в основу новоучрежденного Пражского Лингвистического Кружка, существенно двинувшего вперед и широко развернувшего работу своего предтечи, с которым его связывал также ряд общих сотрудников, частью постоянных, частью кратковременных гостей. Интенсивная печатная деятельность и тесное личное общение с международным научным миром способствовало далекому распространению и обмену плодотворных идей в лингвистике, поэтике и родных науках. В частности,> наследие московских инициаторов обнаруживается в многочисленных «лингвистических кружках», возникших в различных странах света и усвоивших через пражский образец и наименование, и внутренний строй, и многое из мыслей и замыслов, характерных для М. л. к.» [1, с. 368].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Якобсон Р. О. *Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1996. Т. 3. №5/7. С. 361—379.*
- 2 *О поэтическом языке произведений Хлебникова: Обсуждение доклада Р. О. Якобсона в Московском лингвистическом кружке / Вступ. ст., [подгот. текста и коммент.] М. И. Шапира // Мир Велимира Хлебникова: Ст. ; Исслед. 1911—1998. М., 2000. С. 90—96, 766—773.*

- 3 Ивлев Д. Д. Московский лингвистический кружок // *Краткая лит. энцикл. М., 1978. Т. 9: А—Я. Стб. 542—543.*
- 4 Касаткин Л. Л. Московский лингвистический кружок // *Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 318.*
- 5 Касаткин Л. Л. Московский лингвистический кружок // *Русский язык: Энцикл. 2е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 252—253.*
- 6 Томашевский и Московский лингвистический кружок / [Публ. и примеч. Л. С. Флейшмана] // *Уч. зап. Тарт. гос. унта. 1977. Вып. 422. С. 113—132.*
- 7 Тоддес Е. А., Чудакова М. О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка: (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920е годы) // *Федоровские чтения 1978. М., 1981. С. 229—249.*
- 8 Шапир М. И. Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910х — начало 1920х годов) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50. №1. С. 43—57.*
- 9 Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г. / Публ., подгот. текста и примеч. М. И. Шапира // *Philologica. 1994. Т. 1. №1/2. С. 191—201.*
- 10 Сюжет в кинематографе: По материалам Московского лингвистического кружка / [Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Г. С. Баранковой] // *Лит. обозрение. 1997. №3. С. 81—84.*
- 11 Баранкова Г. С. К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из рукописного отдела Института русского языка // *Язык. Культура. Гуманитарное знание: Науч. наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 359—382.*
- 12 Институт русского языка РАН. Рукописный отдел. Ф. 20.
- 13 Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models: (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle) // *Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. Bucuresti, 1965. P. 425—431.*
- 14 Jakobson R. To the History of the Moscow Linguistic Circle // *Logos semantikos: Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu, 1921—1981. Berlin; N. Y.; Madrid. V. 1: Geschichte der Sprachphilosophie und der Sprachwissenschaft. S. 285—288.*
- 15 Институт русского языка РАН. Лаборатория экспериментальной фонетики, А—790.
- 16 Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19—19 об.
- 17 Шапир М. И. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // *Russ. Ling. 1994. V. 18. №1. P. 73—113.*
- 18 Шапир М. И. Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 255—448.
- 19 «Поэзия не слово, а криптограмма»: Полемические заметки Г. О. Винокура на полях книги Р. О. Якобсона / Вступ. ст., публ. и примеч. М. И. Шапира // *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследование. М., 1999. С. 144—160.*
- 20 Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и ее создатели: (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, №3. С. 221—236.*
- 21 Кенигсберг М. М. Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих» [1923] / Подгот. текста и публ. С. Ю. Мазура и М. И. Шапира; Вступ. заметка и примеч. М. И. Шапира // *Philologica. 1994. Т. 1. №1/2. С. 149—189.*
- 22 Вокруг «Новейшей русской поэзии»: По материалам переписки Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого / Вступ. ст., [подгот. текста и коммент.] М. И. Шапира // *Мир Велимира Хлебникова: Ст. ; Исслед. 1911—1998. М., 2000. С. 97—102, 773—777.*
- 23 «Теперь для меня невозможен даже компромисс»: (Из истории отношений Г. О. Винокура с «Лэфом») / Вступ. ст., публ. и примеч. М. И. Шапира // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. №1. С. 60—66.*
- 24 Тарановский К. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963. V. 1: Linguistic Contributions. P. 287—322.*
- 25 Гаспаров М. Л. Семантический ореол метра: (К семантике русского трехстопного ямба) // *Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 282—308.*
- 26 Тарановски К. Руски дводелни ритмови, I—II. Београд, 1953.
- 27 Jakobson R. K ropisu Machova verše [1937] // *Torso a tajemstvн Mbchova dnla. Praha, 1938. S. 207—278.*

- 28 Шапир М. И. «Семантический ореол метра»: термин и понятие: (Историко-стиховедческая ретроспекция) // Лит. обозрение. 1991. №12. С. 36—40.
- 29 Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

